

И налогами движет... дух

Налогово-распределительная система: духовно-нравственный подход

В современном научно-экономическом познании рассмотрение вопросов налогообложения все более настойчиво сводится к чисто техническим аспектам: решению задачи обеспечения поступления финансовых средств на счета центрального и региональных бюджетов, а также стимулированию материально-экономического роста (через выборочные льготные преференции инновационным, венчурным фондам, экспортирующим субъектам). Все большему забвению предается органическое участие налоговой системы в общественно-экономическом устройстве жизни народа.

Это в полной мере соответствует последовательному движению экономической науки западных капиталистических стран, добившейся безусловного авторитета в современном научном сообществе, к формированию «чистой» экономической теории – то есть очищенной от всяких целостных и сущностных сторон хозяйственного бытия и ограничивающейся усложненным математическим анализом стоимостного выражения товарно-денежного обращения (финансовый редукционизм). Что связано, прежде всего, с завершенностью для самой западной цивилизации вопроса о собственном общественно-экономическом устройстве и его базовых ценностях, которым через умалчивание их предпосылок намечается придать глобально-универсальный характер.

Отход от политэкономической парадигмы означает не отвержение классических установок последней, но их собственную реализацию: общественное устройство и взаимодействие социальных классов либо сословий (общественные отношения) воспринимаются в ней как исключительно обусловленные классовой борьбой за распределение этих самых товарно-денежных потоков и обуславливающую их собствен-

ность (т.е. капитал). Именно изнутри этой борьбы в рамках всей западной традиции и рассматриваются налоговые отношения. Отличительная особенность такого подхода заключается в его принципиально буржуазном характере, общем для Д. Рикардо, К. Маркса, Дж. Кейнса или М. Фридмана. Буржуазия – социальный класс, сущность которого заключена не в особом роде общественного труда, но исключительно в общем принципе жизнедеятельности – стремлении к получению максимальной прибыли (позднее и материального комфорта). Именно поэтому, согласно свидетельству Р. Пайпса [1, с. 262–267], в дореволюционной России буржуазия как таковая не сформировалась, несмотря на значительное число городов и наличие сословий купечества и посадских людей (мещанства), уходящих корнями в более давние времена в сравнении с формированием западной буржуазии в позднем средневековье.

ТРАДИЦИОННЫЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Буржуазная экономическая наука не только отстаивает концепции налогообложения, выражающие интересы частного капитала, но и исследует сами налоговые отношения сквозь призму самодовлеющего частного (индивидуального

Дмитрий КУНИЦКИЙ,
младший научный
сотрудник

Научный
руководитель –
РАКОВ Андрей
Андреевич,
доктор
экономических
наук, профессор

ОБ АВТОРЕ

КУНИЦКИЙ Дмитрий Валерьевич.

Родился в г. Минске. Окончил в 2006 году факультет философии и социальных наук БГУ, затем магистратуру кафедры философии БГЭУ и в 2010 году аспирантуру Института экономики НАН Беларуси.

В настоящее время – младший научный сотрудник сектора социально-трудовых отношений и демографии Института экономики НАН Беларуси.

Сфера научных интересов: философия хозяйствования, государственное управление народным хозяйством, вопросы общественно-экономического устройства на духовно-нравственных (некапиталистических) началах, теория обусловленности экономического поведения.

и коллективного) материального интереса, максимальная реализация которого признается главной целью человеческой жизни и социокультурной ценностью. Эта реализация наиболее полно усматривается в условиях формально свободного рынка, при которых сам по себе доход лишь воплощает преломленную торговлей отдачу от капитального имущества (овеществленного, в том числе в денежной форме, или непосредственного труда, способностей к нему и природных богатств) без какой-либо ответственности его употребления, налагаемой источником данного дохода. Такая установка характеризует либеральную модель социальной справедливости [2, с. 178–182], в рамках которой рынок служит защите «главного» права человека на эквивалентный инвестированным средствам конкурентный доход, умаление которого (в нашем случае посредством налогов, «искажающих» распределение) полагается за величайшее зло.

Наиболее радикальную интерпретацию либеральная модель приобретает в классическом марксизме, где налог рассматривается как институциональная форма насильственного присвоения продукта труда (части прибавочной стоимости) физическими производителями доминирующим «непроизводительным» классом, использующим для этого политическую власть. Более тонкую версию доктрины коммуникативной (уравнительной) справедливости развивают либерально-рыночные школы: они принимают и последовательно предлагают формы использования налоговой системы для достижения дополнительного эффекта в реализации частного интереса (максимизации материальной выгоды) посредством финансовых инструментов. Впрочем, данный подход разделяется с ними и самим марксизмом, на практике воплощающим его в «государственном капитализме». Сведением налоговой системы к финансовым рычагам достигается и важная идеологическая задача: обоснование того, что финансовые отношения логически и исторически первоначально складываются не в сфере торговли (прежде

Сборщики налогов. Картина М. ван Реймерс-вале. 1542 год

всего, кредитно-долевой денежной ссуды), а именно в налоговых отношениях. Недаром в западной экономической науке происходит отождествление налоговой и фискальной политики (лат. *res fiscalis* – финансы).

Наиболее ранней формой налогового обслуживания частного интереса, которая допускалась классической буржуазной политэкономией, является *фискальная функция* налоговой системы, которая подразумевает механическое обеспечение поступлений в государственный бюджет для покрытия его расходов. Поскольку основными статьями расходов полагались финансирование вооруженных сил (армии и сил внутреннего правопорядка), органов демократической власти, минимальных пособий конкурентно «несостоятельным» на рынке лицам (для поддержания их от голодного бунта), фискальная налоговая политика целиком соответствовала интересам частного капитала. Из соображений «справедливости» отстаивалось равное распределение налогового бремени, при далеко не равном значении для сохранности частного богатства.

Второй формой использования налоговой системы для удовлетворения индивидуального интереса (производной от фискальной и реализуемой внутри нее) стала *перераспределительная функция*, которая была воспринята буржуазной наукой в силу ряда обстоятельств. Среди них можно выделить: а) обострение угнетения капиталистами рабочего класса (К. Маркс, «Капитал»), и консолидация самого рабочего класса в профсоюзном движении, угрожающая вылиться в революцию наемных рабочих (а не солдатско-интеллигентскую и партийную, как в России); б) логическое развитие самой либеральной демократии, при котором значительная часть политической власти раньше или позже должна быть разделена с многочисленным рабочим классом; в) кризисный характер самого чистого рынка конкуренции, при котором рост производительности в условиях концентрации капитала не мог найти себе адекватный конечный спрос и приводил к неизбежным и усугубляющимся кризисам перепроизводства (Дж. Кейнс фактически доказал необходимость перераспределения для существования развитого капитализма);

г) вытекающая из предыдущего пункта потребность самого либерализма во временной оппортунистической антикризисной стратегии;

д) склонность к реализации гуманистического идеала всеобщего благосостояния посредством консенсуса с национальным классом наемных работников и вынесения эксплуатации во внешнеэкономическую деятельность.

Третьей формой налогового подкрепления частного материального интереса стала частично вырастающая из предыдущей, частично выступающая как реакция на нее *стимуляционная функция*, развитая неоклассическим синтезом. Эклектичность последнего выражается в одновременном стремлении задействовать фискальные рычаги для стимуляции рыночной активности и всячески ограничить вмешательство государства в рыночную игру частных интересов и конкурентное распределение ресурсов и доходов. В какой-то мере очередное противоречие капитализма вновь преодолевается вынесением его вовне – в предложении специальной монетаристской налоговой доктрины для «неразвитых стран», отличной от применяемой западным арьергардом [3, с. 8, 24], внутри которого также наблюдается веер возможностей: от социал-либерализма, подразумевающего использование налогов для покрытия ряда политических программ, до неоконсерватизма, использующего налоговую стимуляцию преимущественно в форме минимизации налогообложения (прежде всего капитала). Последний, однако, будучи представленным в США, не отказывается от крупных (особенно военных) правительственных расходов, но имеет возможность компенсировать их недофинансирование из налоговых источников ресурсами федеральной резервной системы – посредством сеньоражных механизмов обложения данью мировой экономики, при которых инфляции подвергается даже не сам доллар, а национальные деньги. Неоклассика же по мере своего развития предусматривает налоговые льготы для начинающего и малого бизнеса и добавляет к классическим статьям фискальной политики: покрытие расходов на административный контроль за соблюдением режима максимальной конкуренции (ордолиберализм), инвестиции в технические разработки, инвестиции в че-

ловеческий капитал (подготовку и переподготовку кадров), амортизацию негативных экстерналий, поддержку инновационных и венчурных проектов, а также производственную, торговую (в том числе финансовую) и особенно рыночно-информационную инфраструктуру.

Несложно заметить, что указанные статьи несут в себе выгоду для самих торгово-промышленных корпораций и также максимально выражают интересы, прежде всего, крупного капитала (способствуют стимуляции частных инвестиций). Особенно отчетливо это подчеркивает такая нерыночная форма реализации фискальной функции

налогов, охотно принятая неолиберализмом в текущем мировом кризисе, как кредитная поддержка и de facto страхование рисков частных субъектов финансовой торговли. Отметим, что обратной стороной указанных мер является усиление ухищрений микроконкуренции, склонности к авантюризму, коммерциализации науки и системы образования.

Кроме того, фискальная стимуляция рыночной экономики рассматривается неоклассикой как временная мера, которой как виду по природе нежелательного вмешательства государства в рынок научная элита постоянно подыскивает замещение искусственными рыночными механизмами. Так, научные исследования и заказы на подготовку в университетах все больше отдаются на откуп инновационным фондам частных корпораций, одновременно перенимающим на себя власть устанавливать по контракту «общественную значимость» данных общественных благ и усугубляющим утилитаризацию их содержания в духе Болонского процесса и философии неопозитивизма. Компенсацию внешних эффектов (например, экологического урона) также предлагается перевести с налоговых взысканий, идущих на общественное восстановление народного богатства, на уровень частных контрагентов, согласующих распределение выгод и издержек, касающихся исключительно самих предприятий (концепция Р. Коуза подводит к принципу компенсации вреда

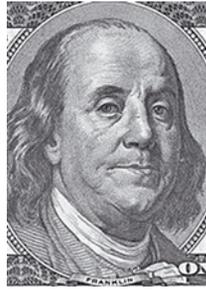
Самоубийца взорвался на самолете в здании Службы внутренних доходов в г. Остин (США). В предсмертной записке он подверг критике систему налогообложения в США. Февраль 2010 года

не теми, кто его причиняет, а теми, кто его может претерпеть) [8, с. 247–250].

Из названных форм с точностью выводятся современные принципы налоговой политики, настойчиво продвигаемые по всему миру (особенно среди восточнославянских народов) западными научными элитами и международными организациями и фондами. Преобладание при этом в русле вашингтонского консенсуса отдается именно фискальной функции налогов, «противопоставляя их мерам прямого регулирования» [5, с. 295]. При данной системе прямые налоги предельно сводятся к обслуживанию интересов иностранного капитала (в частности, налоговыми льготами для привлечения иностранных инвестиций) и в меньшей степени отечественной буржуазии, а доминирование высоких косвенных налогов (в этом серьезное отличие от неоконсерватизма) призвано подавить внутренний спрос и конкурентоспособность обрабатывающей промышленности, направив отечественное сырье в обход последней на мировые рынки. Высшим же предназначением фискализации налоговой системы становится в условиях секуляризации у правительства центрального банка и раздувания золотовалютных резервов (также для гарантий иностранному капиталу комфортных условий оттока) обслуживание необоснованно создаваемого и преимущественно внешнего государственного долга, консервации которого способствуют также девальвации национальной валюты. Такова колониальная модель налоговых отношений.

ПУТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ

В своем становлении белорусское государство, не отталкиваясь от резкого и безусловного разрыва с социалистическим наследием и не приняв безмолвно догмы либерально-рыночной цивилизации, осуществляет поиск устройства общественного бытия, которое бы опиралось на глубинные народные ценности, которыми, согласно мнению главы государства, являются ценности христианства как основа государственной идеологии [6]. Не остается в стороне от этого поиска и экономическая наука, составляющая неотъемлемую часть народного самосознания: перед ней сто-

«Платить
налоги и умереть
должен каждый».

Бенджамин
ФРАНКЛИН
(1706–1790),
государственный
деятель США

ит задача предложить образ хозяйственного уклада, укорененного в духовно-нравственных идеалах и целях развития.

Вопрос налогообложения – один из ярчайших показателей состояния отечественного хозяйственного уклада: он наиболее тесно связан с духовным расположением общества и отражает как уровень взаимного доверия государственной власти и людей, так и то, насколько граждане на практике согласуют свои цели и действия с государственным строительством и общим благом. Сложившаяся в этом плане непростая обстановка связана с рядом причин. Семидесятипятилетняя монополия идеологии материализма постепенно утвердила в людях верховный приоритет вещественного богатства (вначале коллективного, а затем индивидуального), развившись в общую установку на максимальную и быструю наживу, дополненную выработанным пренебрежением к государству как таковому и допустимостью его обворовывания. Подпитку ей после развала СССР оказала система образования, во многом переориентированная на подготовку армии юристов и экономистов для предпринимательского сектора, знания которых были направлены на уклонение от уплаты налогов как один из крупнейших источников экономии издержек и прибыли. Усилиями этой армии сплетаются сложные схемы договорных отношений и денежных расчетов, что происходит параллельно и взаимопобудительно с усложнением и ростом противоречивости налогового законодательства. Устанавливается безвыходное состояние замкнутого круга: когда уклонение от уплаты налогов ведет к вынужденному увеличению правительством самих налогов. Правительство же естественным образом перекладывает бремя с тех, кто уклоняется от уплаты налогов, используя методы теневого обналичивания денег и оплаты труда, на тех, кто этим не занимается, ставя последних в заведомо безвыходное положение убыточности в условиях конкуренции. Налоги, становясь поборами, превращаются в крупнейший фактор нарушения простейших хозяйственных отношений, почву для перекройки всей системы общественного производства на коррупционной основе и, самое главное, средство утверждения в душе и сознании хозяйствующих лиц восприятия

государства как рэкетира, а нарушение закона как институциональную составляющую хозяйствования.

Преодоление сложившегося положения становится возможным только в пространстве духовно-нравственного преобразования хозяйственных отношений: побуждений в экономической деятельности и принятии решений, установлений и учреждений. Данный подход, одинаково снимающий «чисто экономический» и политэкономический подход к рассмотрению налогов через призму, соответственно, товарно-денежного обращения и общественных отношений (которые в абстрактном виде оказываются производными от товарно-денежного обращения), призван исследовать духовно-личностный и ценностный состав участников налоговых отношений. Именно в свете данного подхода раскрывается порочность западной научно-политической интерпретации налогообложения в единстве различных концепций. Источником ее служит превратное понимание самого государства (налогополучателя) как отчужденной от общества институциональной структуры административных органов, подчиненной гражданскому обществу и вместе с ним составляющей нацию. Как административный институт «государство» исполняет, согласно буржуазному принципу конституционной демократии, волю, выражающую частный интерес большинства полноправных его членов, и играет роль наемного менеджера, «механизма для предоставления услуг» [7]. Отсюда налогообложение рассматривается как контрактно-договорное отношение между частным лицом (личностью, домохозяйством, предприятием, классом) и государственным аппаратом, в котором происходит отчисление сумм первым второму в обмен на оказание встречных услуг. Более точно его можно определить как форму доверительного управления (обратной концессии), при котором «негосударственный собственник» (субъект рынка) выделяет часть своих средств бюджету в расчете на взаимовыгодное их применение. В масштабе социума это означает, что смысл налогов и бюджета – в эффективно-прибыльном перераспределении частных ресурсов.

В христианском хозяйственном укладе, теоретический образ которого воссоздается в трудах Н.Я. Данилевского, С.Ф. Шарапова,

Н.В. Калачова, А.И. Васильчикова, их современных последователей М.А. Румянцова, о. А. Миняйло и др., налоги занимают место, существенно отличающееся от отводимого им в западных социально-экономических доктринах. Оплотом этого уклада выступает качественно иной взгляд на государство не как социальный институт и составной элемент нации, а как само общество, народ в его духовно развитом состоянии (во всем подобном устройству семьи) с осознанием своей соборности и исторического призвания. Хотя воля народа и является условием самого существования государства, государственная власть сама по себе не служит исполнителем этой воли: правительство и его органы призваны своими решениями следовать высшим идеям блага и долга, и исполнять осознанное призвание народа, а не текущие частные интересы, даже выражающих волю большинства (часто попадающую под временное влияние орга-

Изгнание торгующих из храма.
Картина Эль Греко,
до 1570 года

низованных групп воздействия, включая иностранные). Отсюда «государство как условность, как мертвенная форма, олицетворяющая внешний порядок, не смеет и мечтать ни о каком экономическом творчестве. Наоборот, государство как живое выражение мирского, соборного начала...

оказывается чрезвычайно творческим и могущественным» [8, с. V].

В свете сказанного христианский взгляд на налоги выводит их из отношений не выгодного обмена, но долга, заключающего в себе дар и жертву. Согласно такому естественному порядку, законодательно закрепляемому государством, получаемые человеком блага всегда превосходят его действительный вклад, оставляя за самим человеком внутренний долг, а за благами – предначертанность к общезначимому употреблению. Неся образ благодарения, принудительный налог никак не отвергает бескорыстный характер дара, поскольку «внутреннее расположение человека может свести пожертвование к налогу, но может и налог возвысить до жертвования. Это внутреннее различие для религиозного

сознания принципиально важнее различия между обязанностью и свободной волей, между фискальным платежом и добровольными расходами» [9, с. 441]. Из дарственной природы налога проистекает и свободный (от частного интереса) характер распоряжения им правительством. Уплата податей выступает как священная обязанность, самодостаточный и бескорыстный долг перед Богом и государством и как доверительное признание того, что государственная власть способна распорядиться этими средствами разумнее и, главное, беспристрастнее самих граждан. Даже в условиях сильной коррумпированности, поскольку данное явление в обществе всегда соответствует внутренней коррумпированности большинства ее налогоплательщиков, в то время как та же недобродетельная власть самим своим положением принуждается к обеспечению ряда общественно значимых благ [10, с. 339].

Прием деклараций о совокупном годовом доходе в инспекции по налогам и сборам Первомайского района г. Минска

Со стороны налогоплательщика налог выступает не средством специфического вклада в государственный бюджет как инвестиционный фонд с целью получения выгоды (от общественных благ), но видом осознанного соединения (жертвы) трудовых усилий в осуществлении общего государственного дела. Со стороны же государственной власти налог – не перераспределительное средство достижения макроэкономического баланса (склонности к потреблению и ожидаемой выручки, предельной эффективности капитала, занятости) с сохранением максимально возможной конкуренции и свободы выбора, как это предлагается в кейнсианстве, и не средство стимуляции экономического роста и накопления капитала, как это представлено в неоклассике, но также *соединение усилий и материальных средств для общего госу-*

дарственного дела, осуществляемое путем их передачи в верховное государственное распоряжение. Ядро единого государственного дела, подпитываемого налогами, в противовес буржуазному социуму, составляет всесторонняя забота о людях, которая осуществляется исходя из их духовных потребностей и целесообразных материальных нужд. Особое место в ней занимает создание духовно значимых общественных благ (храмовое строительство, духовно-нравственное просвещение, неутилитарное образование) и всесторонняя забота о многочисленных нуждающихся людях, к которой примыкает сильная помощь нуждающимся странам. Причем цель эта достигается не простыми денежными трансфертами, но определением благ, которыми будут обеспечиваться люди, и организацией мероприятий с непосредственным участием государственных ведомств и общественных организаций. Сюда добавляются топологическое благоустройство (некоммерческой инфраструктуры городов и сел, благоустройственной архитектуры, экологии), сильная армия (с акцентом на военно-патриотическое воспитание людей, а не технику). На уровень государственной идеи должно быть также возведено всенародное попечение о многодетных семьях (а о престарелых – сохранено) и государственная стратегия бескредитного жилищного строительства и распределения. Налоговое обеспечение общего государственного дела проявляется также и в непосредственном управлении товарным производством – составом самого производства и потребления, системой относительных цен, типов хозяйственных объединений. Важное место среди таких мер принадлежит обобществлению средств для развития системы общенародных хозяйств, особенно крупных и стержневых в производственном организме.

Указанная сущность налоговой системы в государстве с христианской идеологией требует, безусловно, раскрытия в единстве частных механизмов налогообложения, которое предполагает отдельное исследование. Для сохранения связанности необходимо предвосхитить некоторые пути преобразования. Несомненным направлением должно стать упрощение налоговой системы с одновременным пересмотром целесообразности употребления недифференцированного косвенного налогообложения (в частности,

НДС) как фактически регрессивной формы подоходного налога (в довесок к фиксированному подоходному), особенно тяжелым грузом возложенного на жизненные блага (из-за низкоэластичного спроса) и малообеспеченных людей, а также товары с высокой торговой надбавкой. Нельзя оставить без внимания и противоречивое онтологическое значение простого косвенного налога как налога на стоимость, противоречащего духовно-общественному смыслу налога как воплощения личной ответственности и соразмерной благодарности в доходе.

Особое значение имеет и необходимость возрождения гибкого прогрессивного подоходного налога с изменением базы соразмерно членам семьи налогоплательщика (переход к семейному налогообложению). Получаемая частными предприятиями прибыль также может быть подведена под тип подоходного налога (как доход предприятия) с применением к ней значительно более жесткого режима, нежели предполагается рыночной экономикой с ее доктриной о ключевой роли прибыли в экономическом развитии [11, с. 30]. Критического рассмотрения требует целесообразность методов допущения ускоренной амортизации и включения в комплексные статьи себестоимости ряда непроектных расходов, в частности, рекламы [11, с. 31]. В то же время более проникающим должно стать применение пошлинно-акцизного (неравномерного) косвенного налога. С его помощью, вопреки западным догматам конкурентных «порядков», необходимо осуществлять перераспределение средств от менее к более успешным (по величине, технологии, «человеческому капиталу») хозяйствам, а также идеологическое управление конечным спросом. В организации последнего требуется также использование целевого подхода к распоряжению средствами: например, акцизные сборы с алкоголя и сигарет должны использоваться исключительно для противодействия собственному источнику. Налоги также должны быть использованы в поддержке возрождения совместных хозяйств – для постепенного перехода к образуемому ими укладу от системы, основанной на наемном труде и стремящейся к максимизации прибыли фирм. Наконец, нельзя, поддаваясь концепциям о «неизбежности» в условиях всемирной

глобализации и, главное, «полезности» открытой экономики, избавляться от многопланового применения таможенных пошлин – особенно на конечные блага, которые не только подавляют самобытную и ущемленную неравенством в доступе к ресурсам отечественную промышленность, но и импортируют чужеродный культурный образ жизни, потребностей и потребления.

Налоговая политика способствует не только перераспределению денег, средств производства и потребления, но и является средством выражения государственной идеологии и установления на заложенных в ней началах определенного строя общественных отношений. Налоговая система отражает качественные отличия и нравственное состояние духа, преобладающего в жизни народа, и одновременно способствует – в единстве с иными действующими порядками – изменению направления его развития. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М.: Изд-во Независимая газета, 1993. – 421 с.
2. Кудрявцева, Н.Н. Рациональность справедливости. Поиск рациональных оснований / Н.Н. Кудрявцева // Логос. – 2009. – № 2. – С. 174–189.
3. Байнев, В.Ф. Современный либерально-рыночный капитализм как главный фактор кризисного развития и глобальных проблем цивилизации / В.Ф. Байнев // Новая экономика. – 2005. – № 3–4. – С. 5–28
4. Современная политическая экономия: учебное пособие / Т.И. Адамович, С.А. Бородич, П.С. Лемещенко [и др.]. – Минск: Книжный Дом; Мисанта, 2005. – 472 с.
5. Дементьев, В.Е. Социальная ответственность бизнеса / В.Е. Дементьев // Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы / Рук. авт. кол.: Д.С. Львов, А.Г. Поршнев; Гос. ун-т упр., Отделение экономики РАН. – М., 2002. – С. 282–298.
6. «Я приехал в Беларусь как домой» – Патриарх Кирилл // Народная газета. – № 183 (5098). – 26 сентября 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – http://ng.by/ru/issues?art_id=37791.
7. Гаймзет, Х.-Ю. Будущее Украины – европейское / Х.-Ю. Гаймзет // Зеркало Недели. – № 6 (786) 20 – 26 февраля 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – <http://www.zn.ua/1000/1550/68597>.
8. Шарапов, С.Ф. Бумажный рубль. Его теория и практика. Исследование о научных законах бумаго-денежного обращения в самодержавном государстве / С.Ф. Шарапов. – СПб.: Общественная польза, 1895. – 156 с.
9. Лукин, С.В. Дар, пожертвование и налог в ветхом завете / С.В. Лукин // Проблемы современной экономики. – № 1 (21). – СПб., 2007. – С. 441–444.
10. Лукин, С.В. Дар, пожертвование и налог в христианстве / С.В. Лукин // Проблемы современной экономики. – № 3 (23). – СПб., 2007. – С. 339–342.
11. Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы / Рук. авт. кол.: Д.С. Львов, А.Г. Поршнев; Гос. ун-т упр., Отделение экономики РАН. – М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2002. – 701 с.